№ 17. Вторникъ, 30-го іюля 1913 г.

Цѣна 2 коп.

ЖИВАЯ ЖИЗНЬ

РАБОЧАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ ежедневно, кромѣ понедѣльниковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ—3 р. 50 к., на 1/2 года—2 р., на 3 мѣс.—1 р., на 1 мѣс.—40 к. За границу: на годъ—9 р. 50 к., на 1/2 года—5 р., на 3 мѣс.—2 р. 50 к., на 1 мѣс.—90 к. Подписка принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца. За перемѣну адреса—20 к. При жалобахъ, возобновленія подписки и перемѣнѣ адреса обязательно прилагать адресъ съ бандероли.

ЦѢНА ОБЪЯВЛЕНІЙ: впереди текста—70 к., позади текста—40 к. за строку петитомъ. Прилож. вѣсомъ до 1 лота за 1000 шт. 10 р., сверхъ одного лота по 2 р. 50 к. на каждый лотъ.

Объявленія прини. въ конторѣ газеты и въ конторахъ Л. Э. Метцль: Спб.—Морская, 11; Москва—Мясницкая д. Сытова: Варшава—Маршалковская, 130; Вильно—Большая улица, 88; Лодзь—Петровская, 102.

Къ свѣдѣнію авторовъ: Присылаемыя для напечатанія рукописи должны быть написаны на одной сторонѣ листа. Редакція вправѣ ихъ измѣнить и сокращать. Непринятыя рукописи уничтожаются и по поводу ихъ ни въ какую переписку съ авторами редакція входить не можетъ.

Адресъ конторы и редакціи: С.-Петербургъ, Лиговка, 86, кв. 17.
Контора открыта отъ 1 до 7 час. вечера ежедневно, кромѣ воскресеній.

СЕГОДНЯ:

Депутатъ с.-д. Бурьяновъ привлеченъ къ судебной отвѣтственности.

„Рабочая Правда“ оштрафована на 500 рублей.

Забастовки въ Петербургѣ и провинціи.

Стачка нефтяныхъ рабочихъ въ Баку разрастается.

Фельетонъ: Л. Мартовъ „1903—1913 г.“ (Къ десятилѣтію южныхъ стачекъ).

Открыта подписка на ежедневную рабочую газету ЖИВАЯ ЖИЗНЬ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на газету съ воскресными приложеніями: съ 1-го августа на 1 мѣсяцъ—40 к., на 3 мѣсяца—1 р., на 5 мѣсяцевъ—1 р. 80 к. Подписка принимается исключительно съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Лица, желающія получить газету съ № 1-го, т. е. съ 11-го іюля, доплачиваютъ 30 коп.

Подписная плата марками не принимается. Денежные переводы слѣдуетъ направлять исключительно на имя конторы газ. „Живая Жизнь“ (С.-Петербургъ, Лиговка, 86, кв. 17).

ЦѢНА ОБЪЯВЛЕНІЙ: впереди текста—70 к., позади текста—40 к. за строку петитомъ.

ЦѢНА ОТДѢЛЬНАГО №—2 коп.

31-го Іюля въ среду, въ домѣ Графини Паниной (Тамбовская ул., уг. Прилуцкой). О-во Женской Взаимопомощи устраиваетъ лекцію д-ра псих. В. В. ЧЕХОВА на тему: „ТВОРЧЕСКОЕ ВООБРАЖЕНІЕ“. Плата 10 коп. Начало въ 8 1/2 час. веч. Билеты продаются въ о-вѣ: Рузовская 13, кв. 6 и при входѣ.

ОСТРОУМНАЯ КОМБИНАЦІЯ,

въ мѣру длиннаго фильтрующаго дымъ мундштука и двойного броженія табака, сдѣлала эту папиросу неподражаемой и желаемой во всѣхъ слояхъ общества.

10 шт. 6 коп. „Ю-Ю“ 25 шт. 15 коп.

Отличительный знакъ—кругомъ золотая коробка.
Продается всюду! —— Настоятельно требуйте!
Находящееся внѣ синдиката
Т-во А. Н. ШАПОШНИКОВЪ и К-о СПБ.

Къ свѣдѣнію подписчиковъ.

Контора газ. «Живая Жизнь» проситъ подписчиковъ, у коихъ къ 1 августа кончается срокъ подписки, во избѣжаніе перерыва въ высылкѣ газеты поспѣшить съ возобновленіемъ подписки.

Въ самомъ близкомъ будущемъ за Невской заставой открывается отдѣленіе „ЖИВОЙ ЖИЗНИ“.

щихъ трамвайныхъ служащихъ. Этимъ, однако, власти не ограничились. Газеты сообщаютъ, что небастующіе трамвайные служащіе, т. е. штрейкбрехеры, работаютъ подъ охраной полиціи и казаковъ.

Полицейская администрація Польши не впервые прибѣгаетъ къ крутымъ мѣрамъ для борьбы съ стачками на трамваѣ. Во время забастовки варшавскихъ трамвайныхъ служащихъ 2 года назадъ, полиція подъ конвоемъ выводила арестованныхъ трамвайщиковъ изъ тюрьмы — заставляла ихъ работать подъ своей охраной. Похоже что и въ Лодзи дѣло примстъ такой

не одинаковы? И тамъ и здѣсь подавляющая высота, духъ захватывающая дальность, сладостная и страстная въ одно и то же время своей недосягаемостью, своимъ продѣломъ, перелетѣть который не дано смертному человѣку“.

По одному объясненію «Земщины» соціализмъ—это водка, опій, гашишъ, любодѣяніе; по другому—это сладостная, заманчивая высота, перелетѣть которую «не дано смертному человѣку». Поди жъ, читатель, разберись въ этой путаницѣ! Впрочемъ, не это важно, а важно то, что по глубокому убѣжденію черносотенной газеты

„Идеи соціализма являются страшной угрозой процвѣтанія и жизни

юго-западнаго края съ мыслями министерства внутреннихъ дѣлъ, явятся забастовочными агитаторами, которыхъ, по словамъ «Россіи», нужно ловить и подвергать соотвѣтствующимъ карамъ. Только кто ловить-то будетъ, когда роль агитатора будетъ играть сама полиція?

Что же, однако, сталось съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ? Откуда вдругъ эта агитаторская прыть и симпатія къ забастовкамъ? Или гоненія противъ стачечниковъ, препятствія, чинимыя послѣднему забастовочному движенію, только результатъ стараній мѣстныхъ сатраповъ, а центральное вѣдомство, наоборотъ, благосклонно расположено къ стачечникамъ? Конечно, нѣтъ. Конечно, нужно гнать отъ себя эти мысли, чудовищныя не только для черносотенныхъ, но и для многихъ прогрессивныхъ ушей. Дѣло объясняется гораздо проще. Забастовками хотятъ бороться съ забастовочнымъ движеніемъ. Суля рабочимъ золотыя горы тамъ въ Германіи, надѣются отвлечь туда значительную часть наиболѣе активныхъ силъ рабочей арміи. Пусть бастуютъ тамъ, но пусть будетъ спокойно здѣсь — такова основная мысль новаго министерскаго циркуляра.

Однако, и это средство борьбы съ забастовками едва-ли окажется болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ рекомендуемая «Россіей» ловля агитаторовъ. Есть только одно средство не утопической борьбы съ забастовками, а приданія имъ европейскаго характера—это сильныя, свободно развивающіяся рабочія организаціи.

С.

Не пора-ли?

Прошло шесть лѣтъ съ того времени, когда умеръ насильственной смертью, ни въ чемъ «неповинный», ничѣмъ себя не «скомпрометировавшій» профессіональный союзъ дрогистовъ въ СПБ., объединявшій тогда не всю массу пролетаріевъ приказчиковъ, занятыхъ въ аптекарскихъ, парфюмерныхъ магазинахъ и складахъ. Виновники этой «смерти» ошиблись, предполагая, что разгромъ союза они тѣмъ самымъ похоронятъ завѣтную мечту нашу создать его для тѣхъ изъ нихъ, чье знаніе и опытъ стоитъ внѣ всякой конкурренціи...

Такое вознагражденіе получаютъ люди, прослужившіе по 5—10 лѣтъ въ одномъ дѣлѣ и отдавшіе добрую половину своей лучшей жизни, люди, изъ которыхъ выжаты уже почти всѣ соки—пожилые, женатые съ дѣтьми... Люди, подвергающіеся вліянію и ежеминутной опасности погибнуть, или остаться навѣки жертвой всепламененія разныхъ кислотъ, ядовъ и взрывчатыхъ веществъ, среди которыхъ приходится работать каждому изъ насъ, и которыхъ въ изобиліи вы найдете въ каждомъ мало-мальскомъ «магазинчикѣ»...

Нужно ли приводить еще большіе аргументы за то, какъ скверно живется каждому изъ насъ?

Убѣдительный этихъ фактовъ ничего в нужно! Теперь, товарищи, надѣюсь, никто изъ васъ не станетъ оспаривать тотъ фактъ, что намъ необходимо создать свой профессіональный союзъ, сплотиться всѣмъ до одного для того, чтобы мы могли добиться улучшенія своей жизни... Мы имѣемъ тоже право на лучшую жизнь, какой всѣми силами добивается весь пролетаріатъ Россіи. Мы теперь являемся свидѣтелями отчаянной борьбы, какую ведетъ весь пролетаріатъ—съ капиталомъ за улучшеніе условій труда. Мы явились недавно свидѣтелями грандіозной «Второросской» забастовки приказчиковъ въ Сибири. И мы не должны также оставаться равнодушными зрителями этихъ явленій! Мы должны приложить, повторяю, всѣ усилія къ тому, чтобы создать свой союзъ,—это единственное убѣжище наше, гдѣ мы сможемъ столковаться и порѣшить, какъ жемъ столковаться и порѣшить, какъ быть дальше.

Сила на сторонѣ тѣхъ изъ насъ, кто упорной борьбой хочетъ завоевать себѣ право на сносное существованіе! Помните, что только въ единеніи—наша сила, залогъ нашего успѣха!

Пора уже!

Дрогистъ С—нъ.

Программа Всероссійскаго Съѣзда по коопераціи въ г. Кіевѣ.

I. Общіе вопросы:

1. Проектъ закона о кооперативахъ.
2. Объ общихъ основахъ союзнаго строительства и областныхъ кооперативныхъ банкахъ.
3. Формы содѣйствія кооперативамъ го-

раб. класса и этимъ самымъ мѣшаютъ

1903 — 1913.

(Къ десятилѣтію южныхъ стачекъ).

Десять лѣтъ назадъ—въ іюлѣ и августѣ 1903 года—разразилась въ Россіи буря всеобщихъ забастовокъ. Начавшись въ Баку и Одессѣ, она захватила Тифлисъ, Батумъ, Чіатуры, Екатеринославъ, Керчь, Николаевъ, Елизаветградъ, Конотопъ, Борисоглѣбскъ. Ея эхо прокатилось до самой Москвы, гдѣ въ сентябрѣ 1903 г. произошла первая общая забастовка т и п о г р а ф о в ъ, положившая начало первому (нелегальному) московскому союзу типографскихъ рабочихъ истинному родоначальнику многочисленныхъ возникавшихъ съ тѣхъ поръ профессіональныхъ организацій рабочихъ печатнаго дѣла.

Вспыхнувъ въ моментъ, когда могущество диктатора Плеве достигло высшей точки, забастовочная волна встрѣтила передъ собою «государственность», готовую пустить въ ходъ всякое оружіе—лишь бы возстановить «порядокъ», нарушенный пролетаріатомъ. Оружіе огнестрѣльное было примѣняемо въ Батумѣ и Михайловѣ (подъ Тифлисомъ), въ Керчи и Екатеринославѣ, въ Кіевѣ (дважды). Нѣсколько десятковъ рабочихъ сошли въ могилу. Тюрьмы были переполнены трамвайщиками и желѣзнодорожниками, булочниками и металлистами, промысловыми рабочими и рудокопами, табачницами и грузчиками. Рядъ судебныхъ процессовъ вслѣдъ затѣмъ отправилъ въ арестантскія роты такъ называемыхъ «зачинщиковъ» и длинныя серіи административно-ссыльныхъ потянулись въ Сибирь. Въ заключеніе этой расправы отправили въ ссылку самого Зубатова и его агента Шаевича за то, что ихъ провокаторское заигрываньe съ экономичечкой борьбой рабочихъ привело не къ уничтоженію вліянія соціалъ-демократіи на рабочія массы, а напротивъ, къ его чрезвычайному укрѣпленію.

Сама соціалъ-демократія оказалась застигнутой совершенно врасплохъ всеобщими забастовками. Долгій періодъ промышленнаго кризиса и застоя, тянувшійся съ 1899 года, почти вовсе пріостановилъ стачечное движеніе и совершенно прекратилъ стачки н а с т у п а т е л ь н ы я. Глухое недовольство придавленныхъ кризисомъ массъ выражалось у передовой рабочей молодежи порывами къ борьбѣ въ иной плоскости—къ борьбѣ политической. Въ теченіе двухъ лѣтъ энергія рабочаго движенія сосредоточилась на уличныхъ манифестаціяхъ, и соціалъ-демократія, въ свою очередь, приспособила пріемы своей дѣятельности и формы своей организаціи къ подготовкѣ манифестацій и руководству ими, вся почти агитація велась на почвѣ очередныхъ политическихъ лозунговъ. Организаціонный аппаратъ не былъ приготовленъ ни къ руководству крупными стачками, ни хотя бы къ тому, чтобы во время уловить опредѣленное броженіе въ сферѣ взаимоотношеній между рабочими и хозяевами. Къ тому же какъ разъ въ данный моментъ лучшіе мѣстные работники выѣхали на собравшійся заграницей 2-ой съѣздъ партіи и „комитеты“, ослабленные этимъ отсутствіемъ мѣстныхъ вождей, растерялись передъ неожиданными крупными событіями. Это было тѣмъ болѣе естественно, что во многихъ мѣстахъ забастовавшіе рабочіе низы, впервые тронувшись, проявили большую подозрительность ко всякой «политикѣ» и начинали забастовку съ сильнымъ недовѣріемъ, если не съ прямой враждой, къ «интеллигентамъ», къ «ораторамъ, къ соціалъ-демократіи; этому, конечно, по мѣрѣ силъ способствовали делегаты зубатовской «независимой» партіи, заигрывавшіе (особенно въ Одессѣ) съ экономическимъ движеніемъ массъ для того, чтобы отвлечь послѣднія отъ «политики».

Вопреки всѣмъ этимъ неблагопріятнымъ условіямъ, соціалъ-демократія свой долгъ исполнила и сыграла въ могучемъ стихійномъ движеніи вліятельную роль. Если комитетамъ не удалось стать организующими центрами грандіознаго движенія, которое въ значительной степени протекало стахійно, то въ дѣлѣ формулировки выставлявшихся рабочими массами отдѣльныхъ производствъ требованій и ихъ обобщенія, въ дѣлѣ удержанія возбужденной толпы отъ безполезныхъ вспышекъ, въ дѣлѣ внесенія въ эти—отчасти еще очень темныя—массы политической сознательности, соціалъ-демократическіе кружки и отдѣльныя единицы совершили очень много, и мѣсяцъ всеобщихъ забастовокъ оставилъ, благодаря ихъ агитаціи, глубокій слѣдъ въ сознаніи рабочихъ массъ. Начавшіяся повсюду во имя экономическихъ улучшеній, всеобщія забастовки подъ конецъ приняли п о л и т и ч е с к у ю окраску—въ однихъ мѣстахъ, какъ Кіевъ, Тифлисъ, Николаевъ, болѣе, въ другихъ (какъ Одесса, Баку)—менѣе опредѣленную. Вліяніе же анти-политическихъ идей «независимцевъ» исчезло почти безъ остатка, подъ вліяніемъ не только соціалистической агитаціи, но и просвѣщающей дѣятельности тѣхъ, кто разстрѣливалъ, убивалъ, арестовывалъ и ссылалъ мирныхъ стачечниковъ.

Періодъ всеобщихъ забастовокъ оказалъ замѣтное вліяніе на различныя области общественно-политической жизни.

Онъ убилъ зубатовщину,—зубатовщину московскую, съ ея одесскими и сѣверо-западными отдѣленіями, съ ея откровенной попыткой «рѣшить» рабочій вопросъ подъ флагомъ «полицейскаго соціализма». Правда, пока Плеве расправлялся съ Зубатовымъ и Шаевичемъ, подъ самымъ его недреманнымъ окомъ, въ столицѣ, Георгій Гапонъ началъ потихоньку ткать новую паутину благонамѣренной рабочей организаціи,— паутину, въ которой снова суждено было запутаться и ему, и его покровителямъ. Но теперь уже дѣло «умиротворенія» рабочихъ велось безъ прямого участія охранной полиціи и не подъ откровенно-полицейской вывѣской. Новый опытъ былъ безспорно смѣлѣе прежнихъ и продѣлывался онъ уже не съ одесскими грузчиками, московскими ткачами, или ремесленниками менѣе культурныхъ мѣстечекъ «черты осѣдлости», а съ цвѣтомъ россійскаго пролетаріата—съ прошедшими десятилѣтнюю школу соціалистической агитаціи петербургскими рабочими массами. Зато и результатъ получился несоизмѣримо болѣе внушительный: на этотъ разъ реакція пожала девятое января...

Банкротство зубатовщины поставило старый режимъ въ безвыходное положеніе въ рабочемъ вопросѣ: онъ исчерпалъ всѣ доступныя ему средства борьбы съ революціоннымъ движеніемъ рабочаго класса и ему въ дальнѣйшемъ оставалось или бездѣйствовать, ограничиваясь лишь повседневной порціей полицейскихъ репрессій, тяжкихъ для отдѣльныхъ лицъ, но малочувствительныхъ для движенія въ цѣломъ, —либо искать спасенія въ средствахъ, по существу противорѣчащихъ его собственнымъ основамъ. Была сдѣлана попытка организовать легальное рабочее представительство (законъ 1903 г. о фабричныхъ старостахъ); былъ поднятъ (Витте) вопросъ о легализаціи стачекъ и даже союзовъ. Необходимость заговорить объ этомъ пути уже свидѣтельствовала о послѣднихъ минутахъ стараго порядка. Создать что либо серьезное на новомъ пути онъ уже не могъ. Законъ о фабричныхъ старостахъ не создалъ ни органа обезпеченія полицейскаго «порядка», какъ о томъ мечтали его творцы,—для этого русскій рабочій классъ былъ у ж е слишломъ взрослымъ; онъ не послужилъ опорной точкой для самодѣятельной организаціи пролетаріата, — послѣдній еще недостаточно возмужалъ, чтобы изъ этого новаго орудія угнетенія сдѣлать дѣйствительное орудіе борьбы. Лишь теперь—послѣ 1905 года и многолѣтняго опыта легальныхъ организацій—задача такого превращенія представляется разрѣшимой. А право на стачку—въ крайне узкихъ предѣлахъ — было провозглашено

для русскихъ рабочихъ лиш
тическаго сдвига, который
октября. Задачей нынѣшн
рабочихъ остается перевести
свода законовъ въ подлинн
Всеобщія забастовки 190
немалое вліяніе на политиче
россійской буржуазіи. Онѣ
воочію неотвратимость гроз
ныхъ экономическихъ движ
на господство полицейской
заставили ее задуматься
опаснымъ для нея характер
женій, когда послѣднія разв
ки этой диктатурѣ и въ ос
ней, принимая непосредст
ціонный характеръ. Начато
ками 1903 года было за
варѣ 1905 г., послѣ чего
ціи промышленниковъ заго
ходимости политической с
коалицій.
Рабочему классу воль
1903 года, помимо того,
ивныя иллюзіи отсталыхъ
димыхъ «независимцами»,
кое какое улучшеніе эконо
вій и особенно бытовыхъ
обращеніе, устраненіе гру
бленій и т. п. Она въ гр
способствовала популяриза
экономическихъ требова
всѣхъ требованія восьмича
дня. Она окончательно вв
россійскаго рабочаго дви
стачку въ разныхъ ея
стачку солидарности, ка
теста, какъ стачку прям
враждебныя пролетаріату
жила начало пользовани
діемъ въ цѣляхъ не тольк
наго движенія, но и по
теста и политической бор
исторію россійскаго дви
года, по наши дни излож
зрѣнія развитія всеобщей
съ элементарно-стихійной
все и всѣ бастуютъ во и
тивъ всѣхъ сторонъ жи
зился одинъ кіевскій изво
денту тогдашней «Искры
очень ужъ всякое нача
когда мотивъ протеста,
дарности, стремленіе п
ростее самосознаніе и пр
дѣленныхъ практически
ются въ нѣчто трудно-у
ное, когда с о с т о р
движенія приходится
ственное историческое
наго движенія и пре
лозунги, которые осмыс
ченіе въ ея собствен
продолжая грандіозными

возложеніемъ на влад. пред-

ъ зубатовщину,—зубатовщину
съ ея одесскими и сѣверо-
тдѣленіями, съ ея откровен-
й «рѣшить» рабочій вопросъ
ъ «полицейскаго соціализ-
пока Плеве расправлялся
ъ и Шаевичемъ, подъ са-
реманнымъ окомъ, въ сто-
Гапонъ началъ потихоньку
аутину благонамѣренной ра-
ціи,— паутину, въ которой
о было запутаться и ему,
елямъ. Но теперь уже дѣло
» рабочихъ велось безъ
ія охранной полиціи и не
но-полицейской вывѣской.
былъ безспорно смѣлѣе
одѣлывался онъ уже не съ
нками, московскими ткача-
енниками менѣе культур-
«черты осѣдлости», а съ
аго пролетаріата—съ про-
илѣтнюю школу соціали-
іи петербургскими рабо-
Зато и результатъ полу-
имо болѣе внушительный:
реакція пожала девятое

убатовщины поставило
ъ безвыходное положеніе
осѣ: онъ исчерпалъ всѣ
едства борьбы съ рево-
еніемъ рабочаго класса
ішемъ оставалось или
раничиваясь лишь пов-
полицейскихъ репрессій,
льныхъ лицъ, но мало-
ля движенія въ цѣломъ,
сенія въ средствахъ, по
ѣчащихъ его собствен-
ыла сдѣлана попытка
ьное рабочее представи-
1903 г. о фабричныхъ
однятъ (Витте) вопросъ
къ и даже союзовъ. Не-
ить объ этомъ пути уже
послѣднихъ минутахъ
оздать что либо серь-
ути онъ уже не могъ.
хъ старостахъ не со-
езпеченія полицейскаго
о томъ мечтали его
русскій рабочій классъ
ъ взрослымъ; онъ не
точкой для самодѣя-
пролетаріата, — по-
точно возмужалъ, что-
аго орудія угнетенія
ьное орудіе борьбы.
1905 года и много-
ьныхъ организацій—
щенія представляется
на стачку—въ крайне
было провозглашено

закону (ст. 101 положенія объ обезпеченіи

для русскихъ рабочихъ лишь послѣ политическаго сдвига, который произошелъ 17 октября. Задачей нынѣшняго поколѣнія рабочихъ остается перевести это право изъ свода законовъ въ подлинную жизнь.

Всеобщія забастовки 1903 года оказали немалое вліяніе на политическую эволюцію россійской буржуазіи. Онѣ показали ей воочію неотвратимость громадныхъ и грозныхъ экономическихъ движеній, несмотря на господство полицейской диктатуры; онѣ заставили ее задуматься надъ особенно опаснымъ для нея характеромъ этихъ движеній, когда послѣднія развиваются вопреки этой диктатурѣ и въ острой борьбѣ съ ней, принимая непосредственно-революціонный характеръ. Начатое лѣтними стачками 1903 года было завершено въ январѣ 1905 г., послѣ чего уже организаціи промышленниковъ заговорили о необходимости политической свободы и права коалицій.

Рабочему классу волна забастовокъ 1903 года, помимо того, что разбила наивныя иллюзіи отсталыхъ слоевъ, руководимыхъ «независимцами», дала повсюду кое какое улучшеніе экономическихъ условій и особенно бытовыхъ условій—лучшее обращеніе, устраненіе грубыхъ злоупотребленій и т. п. Она въ громадной степени способствовала популяризаціи о б щ и х ъ экономическихъ требованій, — впереди всѣхъ требованія восьмичасового рабочаго дня. Она окончательно ввела въ обиходъ россійскаго рабочаго движенія всеобщую стачку въ разныхъ ея формахъ: какъ стачку солидарности, какъ стачку протеста, какъ стачку прямого давленія на враждебныя пролетаріату силы. Она положила начало пользованію этимъ орудіемъ въ цѣляхъ не только профессіональнаго движенія, но и политическаго протеста и политической борьбы. Можно всю исторію россійскаго движенія съ 1903 года, по наши дни изложить подъ угломъ зрѣнія развитія всеобщей стачки начиная съ элементарно-стихійной формы, когда все и всѣ бастуютъ во имя протеста противъ всѣхъ сторонъ жизни (какъ выразился одинъ кіевскій извозчикъ корреспонденту тогдашней «Искры»: «потому что очень ужъ всякое нахальство одолѣло»), когда мотивъ протеста, классовой солидарности, стремленіе проявить свое выросшее самосознаніе и преслѣдованіе опредѣленныхъ практическихъ цѣлей сливаются въ нѣчто трудно-уловимое и смутное, когда с о с т о р о н ы идеологамъ движенія приходится выслушивать дѣйствительное историческое содержаніе даннаго движенія и предлагать массамъ лозунги, которые осмыслили бы его значеніе въ ея собственныхъ глазахъ;—продолжая грандіозными стачечными вол-

репрессій примѣнять къ Оксенбергу не

нами 1905 года, когда надъ все той же элементарной стихійностью и случайностью мотивовъ могущественно царитъ, все подавляя, одна властная и великая идея, одно остро ощущаемое и неудержимо заявляющее о себѣ требованіе, въ которомъ массы нашли, наконецъ, ключъ ко всѣмъ другимъ своимъ требованіямъ; продолжая, далѣе, новѣйшими однодневными забастовками протеста противъ отдѣльныхъ проявленій враждебнаго рабочимъ режима и во имя отдѣльныхъ частныхъ требованій момента, и кончая... но конецъ этой исторіи всеобщей стачки еще не написанъ, онъ еще впереди и теперешніе споры о цѣлесообразномъ, экономномъ и планомѣрномъ примѣненіи этого орудія борьбы, которому суждено еще сыграть крупную роль, какъ будто свидѣтельствуютъ о томъ, что недалеко уже время, когда эта эволюція будетъ закончена, когда намъ не придется завидовать бельгійцамъ.

Для соціалъ-демократіи событія 1903 года также не прошли безслѣдно. Можетъ быть, болѣе что-либо другое, эти событія толкнули мысль тогдашняго поколѣнія работниковъ на тотъ путь, на которомъ развился и оформился современный «меньшевизмъ». Ибо, именно, всеобщія забастовки 1903 года воочію показали, какъ мало пригодна узкая, крѣпко централизованная подпольная органицація для руководства тѣми могучими движеніями, на которыя уже способенъ пролетаріатъ Россіи. Ибо тѣ-же событія показали односторонность той исключительно политической агитаціи, которою въ 1901—3 г.г. занимались «искровцы», и вновь поставили на очередь вопросъ о прямомъ участіи соціалъ-демократіи въ повседневной экономической борьбѣ, для чего совершенно неподходящи были узкія формы организаціи и методы дѣйствія, сложившіяся въ періодъ преобладанія «чистой политики».

Ибо, наконецъ, болѣе проницательная часть соціалъ-демократіи не могла не замѣтить, какую роль въ подготовкѣ лѣтнихъ стачекъ 1905 года сыграло стихійное стремленіе нѣкоторыхъ слоевъ пролетаріата къ о т к р ы т о й о р г а н и з а ц і и—стремленіе, въ то время эксплуатировавшееся полицейскими демагогами, но въ своей основѣ здоровое—и не могла не поставить передъ собою мучительнаго вопроса о невозможности пойти на встрѣчу этому стремленію массъ при сохраненіи тѣхъ организаціонныхъ и тактическихъ навыковъ, которые, сложившись въ періодъ предыдущаго подъема, успѣли уже стать застывшимъ догматомъ, закоренѣлымъ предразсудкомъ среди массы «искровцевъ».

Желающихъ просятъ подать заявленія.

Уже на самомъ II съѣздѣ сказалась эта работа мысли. При спорахъ объ уставѣ партіи мы—будущіе «меньшевики»—рѣшительно возстали противъ взгляда стремившагося объявить «партіей» только совокупность формально организованныхъ подпольныхъ «ячеекъ»; мы отстаивали тотъ взглядъ, что при ненормальныхъ политическихъ условіяхъ Россіи подпольная организація можетъ считать себя лишь частью — руководящей частью — партіи, границы же послѣдней въ цѣломъ не должны, не могутъ быть строго очерчены, ибо она на дѣлѣ охватываетъ всѣхъ дѣятельныхъ работниковъ, всѣ временныя соединенія, являющіяся въ какой бы то ни было сферѣ общественной жизни сознательными проводниками поставленныхъ партіей цѣлей. Въ послѣдніе дни съѣзда мы поставили на обсужденіе и провели резолюцію о первостепенной важности экономической борьбы и необходимости содѣйствія ей подъ какимъ бы—хотя бы и враждебнымъ соціализму, — флагомъ не возникало данное экономическое движеніе. Равнымъ образомъ, мы предложили съѣзду принятую послѣднимъ резолюцію о необходимости использовать законъ о «фабричныхъ старостахъ» путемъ призыва рабочихъ къ сознательному участію въ выборахъ этихъ старостъ. Резолюція эта, правда, не имѣла замѣтныхъ непосредственныхъ послѣдствій: передовые рабочіе, настроенные еще очень «бойкотистски», въ большинствѣ мѣстъ не хотѣли „мараться“ объ этотъ, пропитанный духомъ полицейской опеки, законъ, объ эту первую «легальную возможность». Но резолюція эта имѣла то положительное значеніе, что нѣкоторымъ образомъ пробила первую брешь въ тѣхъ бойкотистскихъ навыкахъ мысли, которыя у русскихъ соціалъ-демократовъ, естественно, сложились въ первый періодъ массовой политической агитаціи; и хотя слѣдующій подъемъ 1905 года съ открытыми имъ широкими возможностями въ области «захватнаго права» вновь подогрѣлъ традицію презрительнаго отношенія ко всякому «легализму», но первое грѣхопаденіе уже успѣло наложить свою печать на мышленіе многихъ работниковъ и противники разныхъ «бойкотовъ» могли ссылаться на ту статью Н. Ленина, напечатанную имъ послѣ II съѣзда, въ которой онъ доказывалъ необходимость использовать законъ о «старостахъ» и утверждалъ, что нѣтъ такого закона, созданнаго враждебнымъ рабочему классу режимомъ, который соціалъ-демократія не обязана была бы использовать соотвѣтствующимъ образомъ...

Л. Мартовъ.

тактикѣ, между тѣмъ изо дня въ день сѣютъ раздоръ среди раб. класса и этимъ самымъ мѣшаютъ

1903 — 1913.

(Къ десятилѣтію южныхъ стачекъ).

Десять лѣтъ назадъ—въ іюлѣ и августѣ 1903 года—разразилась въ Россіи буря всеобщихъ забастовокъ. Начавшись въ Баку и Одессѣ, она захватила Тифлисъ, Батумъ, Чіатуры, Екатеринославъ, Керчь, Николаевъ, Елизаветградъ, Коноготъ, Борисоглѣбскъ. Ея эхо прокатилось до самой Москвы, гдѣ въ сентябрѣ 1903 г. произошла первая общая забастовка т и п о г р а ф о в ъ, положившая начало первому (нелегальному) московскому союзу типографскихъ рабочихъ истинному родоначальнику многочисленныхъ возникавшихъ съ тѣхъ поръ профессіональныхъ организацій рабочихъ печатнаго дѣла.

Вспыхнувъ въ моментъ, когда могущество диктатора Плеве достигло высшей точки, забастовочная волна встрѣтила передъ собою «государственность», готовую пустить въ ходъ всякое оружіе—лишь бы возстановить «порядокъ», нарушенный пролетаріатомъ. Оружіе огнестрѣльное было примѣняемо въ Батумѣ и Михайловѣ (подъ Тифлисомъ), въ Керчи и Екатеринославѣ, въ Кіевѣ (дважды). Нѣсколько десятковъ рабочихъ сошли въ могилу. Тюрьмы были переполнены трамвайщиками и желѣзнодорожниками, булочниками и металлистами, промысловыми рабочими и рудокопами, табачницами и грузчиками. Рядъ судебныхъ процессовъ всѣдъ затѣмъ отправилъ въ арестантскія роты такъ называемыхъ «зачинщиковъ» и длинныя серіи административно-ссыльныхъ потянулись въ Сибирь. Въ заключеніе этой расправы отправили въ ссылку самого Зубатова и его агента Шаевича за то, что ихъ провокаторское загрываньe съ экономичечкой борьбой рабочихъ привело не къ уничтоженію вліянія соціалъ-демократіи на рабочія массы, а напротивъ, къ его чрезвычайному укрѣпленію.

Сама соціалъ-демократія оказалась застигнутой совершенно врасплохъ всеобщими забастовками. Долгій періодъ промышленнаго кризиса и застоя, тянувшійся съ 1899 года, почти вовсе пріостановилъ стачечное движеніе и совершенно прекратилъ стачки н а с т у п а т е л ь н ы я. Глухое недовольство придавленныхъ кризисомъ массъ выражалось у передовой рабочей молодежи порывами къ борьбѣ въ иной плоскости—къ борьбѣ политической. Въ теченіе двухъ лѣтъ энергія рабочаго движенія сосредоточилась на уличныхъ манифестаціяхъ, и соціалъ-демократія, въ свою очередь, приспособила пріемы своей дѣятельности и формы своей организаціи къ подготовкѣ манифестацій и руководству ими, вся почти агитація велась на почвѣ очередныхъ политическихъ лозунговъ. Организаціонный аппаратъ не былъ приготовленъ ни къ руководству крупными стачками, ни хотя бы къ тому, чтобы во время уловить опредѣленное броженіе въ сферѣ взаимоотношеній между рабочими и хозяевами. Къ тому же какъ разъ въ данный моментъ лучшіе мѣстные работники выѣхали на собравшійся заграницей 2-ой съѣздъ партіи и „комитеты“, ослабленные этимъ отсутствіемъ мѣстныхъ вождей, растерялись передъ неожиданными крупными событіями. Это было тѣмъ болѣе естественно, что во многихъ мѣстахъ забастовавшіе рабочіе низы, впервые тронувшись, проявили большую подозрительность ко всякой «политикѣ» и начинали забастовку съ сильнымъ недовѣріемъ, если не съ прямой враждой, къ «интеллигентамъ», къ «ораторамъ, къ соціалъ-демократіи; этому, конечно, по мѣрѣ силъ способствовали делегаты зубатовской «независимой» партіи, заигрывавшіе (особенно въ Одессѣ) съ экономическимъ движеніемъ массъ для того, чтобы отвлечь послѣднія отъ «политики».

Вопреки всѣмъ этимъ неблагопріятнымъ условіямъ, соціалъ-демократія свой долгъ исполнила и сыграла въ могучемъ стихійномъ движеніи вліятельную роль. Если комитетамъ не удалось стать организующими центрами грандіознаго движенія, которое въ значительной степени протекало стихійно, то въ дѣлѣ формулировки выставлявшихся рабочими массами отдѣльныхъ производствъ требованій и ихъ обобщенія, въ дѣлѣ удержанія возбужденной толпы отъ безполезныхъ вспышекъ, въ дѣлѣ внесенія въ эти—отчасти еще очень темныя—массы политической сознательности, соціалъ-демократическіе кружки и отдѣльныя единицы совершили очень много, и мѣсяцъ всеобщихъ забастовокъ оставилъ, благодаря ихъ агитаціи, глубокій слѣдъ въ сознаніи рабочихъ массъ. Начавшіяся повсюду во имя экономическихъ улучшеній, всеобщія забастовки подъ конецъ приняли п о л и т и ч е с к у ю окраску—въ однихъ мѣстахъ, какъ Кіевѣ, Тифлисѣ, Николаевѣ, болѣе, въ другихъ (какъ Одесса, Баку)—менѣе опредѣленную. Вліяніе же анти-политическихъ идей «независимцевъ» исчезло почти безъ остатка, подъ вліяніемъ не только соціалистической агитаціи, но и просвѣщающей дѣятельности тѣхъ, кто разстрѣливалъ, убивалъ, арестовывалъ и ссылалъ мирныхъ стачечниковъ.

Періодъ всеобщихъ забастовокъ оказалъ замѣтное вліяніе на различныя области общественно-политической жизни.

Изъ 230 стачекъ закончились побѣдой рабочихъ 118, частичной—77, по-

Онъ убилъ зубатовщину,—зубатовщину московскую, съ ея одесскими и сѣверо-западными отдѣленіями, съ ея откровенной попыткой «рѣшить» рабочій вопросъ подъ флагомъ «полицейскаго соціализма». Правда, пока Плеве расправлялся съ Зубатовымъ и Шаевичемъ, подъ самымъ его недреманнымъ окомъ, въ столицѣ, Георгій Гапонъ началъ потихоньку ткать новую паутину благонамѣренной рабочей организаціи,—паутину, въ которой снова суждено было запутаться и ему, и его покровителямъ. Но теперь уже дѣло «умиротворенія» рабочихъ велось безъ прямого участія охранной полиціи и не подъ откровенно-полицейской вывѣской. Новый опытъ былъ безспорно смѣлѣе прежнихъ и продѣлывался онъ уже не съ одесскими грузчиками, московскими ткачами, или ремесленниками менѣе культурныхъ мѣстечекъ «черты осѣдлости», а съ цвѣтомъ россійскаго пролетаріата—съ прошедшими десятилѣтнюю школу соціалистической агитаціи петербургскими рабочими массами. Зато и результатъ получился несоизмѣримо болѣе внушительный: на этотъ разъ реакція пожала девятое января...

Банкротство зубатовщины поставило старый режимъ въ безвыходное положеніе въ рабочемъ вопросѣ: онъ исчерпалъ всѣ доступныя ему средства борьбы съ революціоннымъ движеніемъ рабочаго класса и ему въ дальнѣйшемъ оставалось или бездѣйствовать, ограничиваясь лишь повседневной порціей полицейскихъ репрессій, тяжкихъ для отдѣльныхъ лицъ, но малочувствительныхъ для движенія въ цѣломъ, —либо искать спасенія въ средствахъ, по существу противорѣчащихъ его собственнымъ основамъ. Была сдѣлана попытка организовать легальное рабочее представительство (законъ 1903 г. о фабричныхъ старостахъ); былъ поднятъ (Витте) вопросъ о легализаціи стачекъ и даже союзовъ. Необходимость заговорить объ этомъ пути уже свидѣтельствовала о послѣднихъ минутахъ стараго порядка. Создать что либо серьезное на новомъ пути онъ уже не могъ. Законъ о фабричныхъ старостахъ не создалъ ни органа обезпеченія полицейскаго «порядка», какъ о томъ мечтали его творцы,—для этого русскій рабочій классъ былъ у ж е слишкомъ взрослымъ; онъ не послужилъ опорной точкой для самодѣятельной организаціи пролетаріата, — послѣдній еще недостаточно возмужалъ, чтобы изъ этого новаго орудія угнетенія сдѣлать дѣйствительное орудіе борьбы. Лишь теперь—послѣ 1905 года и многолѣтняго опыта легальныхъ организацій—задача такого превращенія представляется разрѣшимой. А право на стачку—въ крайне узкихъ предѣлахъ — было провозглашено

пріятія съ возложеніемъ на влад. предзакону (ст. 101 положенія объ обезпеченіи

для русскихъ рабочихъ лишь послѣ политическаго сдвига, который произошелъ 17 октября. Задачей нынѣшняго поколѣнія рабочихъ остается перевести это право изъ свода законовъ въ подлинную жизнь.

Всеобщія забастовки 1903 года оказали немалое вліяніе на политическую эволюцію россійской буржуазіи. Онѣ показали ей воочію неотвратимость громадныхъ и грозныхъ экономическихъ движеній, несмотря на господство полицейской диктатуры; онѣ заставили ее задуматься надъ особенно опаснымъ для нея характеромъ этихъ движеній, когда послѣднія развиваются вопреки этой диктатурѣ и въ острой борьбѣ съ ней, принимая непосредственно-революціонный характеръ. Начатое лѣтними стачками 1903 года было завершено въ январѣ 1905 г., послѣ чего уже организаціи промышленниковъ заговорили о необходимости политической свободы и права коалицій.

Рабочему классу волна забастовокъ 1903 года, помимо того, что разбила наивныя иллюзіи отсталыхъ слоевъ, руководимыхъ «независимцами», дала повсюду кое какое улучшеніе экономическихъ условій и особенно бытовыхъ условій—лучшее обращеніе, устраненіе грубыхъ злоупотребленій и т. п. Она въ громадной степени способствовала популяризаціи о б щ и х ъ экономическихъ требованій, — впереди всѣхъ требованія восьмичасового рабочаго дня. Она окончательно ввела въ обиходъ россійскаго рабочаго движенія всеобщую стачку въ разныхъ ея формахъ: какъ стачку солидарности, какъ стачку протеста, какъ стачку прямого давленія на враждебныя пролетаріату силы. Она положила начало пользованію этимъ орудіемъ въ цѣляхъ не только профессіональнаго движенія, но и политическаго протеста и политической борьбы. Можно всю исторію россійскаго движенія съ 1903 года, по наши дни изложить подъ угломъ зрѣнія развитія всеобщей стачки начиная съ элементарно-стихійной формы, когда все и всѣ бастуютъ во имя протеста противъ всѣхъ сторонъ жизни (какъ выразился одинъ кіевскій извозчикъ корреспонденту тогдашней «Искры»: «потому что очень ужъ всякое нахальство одолѣло»), когда мотивъ протеста, классовой солидарности, стремленіе проявить свое выросшее самосознаніе и преслѣдованіе опредѣленныхъ практическихъ цѣлей сливаются въ нѣчто трудно-уловимое и смутное, когда с о с т о р о н ы идеологамъ движенія приходится выслушивать дѣйствительное историческое содержаніе даннаго движенія и предлагать массамъ лозунги, которые осмыслили бы его значеніе въ ея собственныхъ глазахъ;—продолжая грандіозными стачечными волнами 1905 года, когда надъ все той же элементарной стихійностью и случайностью мотивовъ могущественно царитъ, все подавляя, одна властная и великая идея, одно остро ощущаемое и неудержимо заявляющее о себѣ требованіе, въ которомъ массы нашли, наконецъ, ключъ ко всѣмъ другимъ своимъ требованіямъ; продолжая, далѣе, новѣйшими однодневными забастовками протеста противъ отдѣльныхъ проявленій враждебнаго рабочимъ режима и во имя отдѣльныхъ частныхъ требованій момента, и кончая... но конецъ этой исторіи всеобщей стачки еще не написанъ, онъ еще впереди и теперешніе споры о цѣлесообразномъ, экономномъ и планомѣрномъ примѣненіи этого орудія борьбы, которому суждено еще сыграть крупную роль, какъ будто свидѣтельствуютъ о томъ, что недалеко уже время, когда эта эволюція будетъ закончена, когда намъ не придется завидовать бельгійцамъ.

Для соціалъ-демократіи событія 1903 года также не прошли безслѣдно. Можетъ быть, болѣе что-либо другое, эти событія толкнули мысль тогдашняго поколѣнія работниковъ на тотъ путь, на которомъ развился и оформился современный «меньшевизмъ». Ибо, именно, всеобщія забастовки 1903 года воочію показали, какъ мало пригодна узкая, крѣпко централизованная подпольная организація для руководства тѣми могучими движеніями, на которыя уже способенъ пролетаріатъ Россіи. Ибо тѣ-же событія показали одностороность той исключительно политической агитаціи, которою въ 1901—3 г.г. занимались «искровцы», и вновь поставили на очередь вопросъ о прямомъ участіи соціалъ-демократіи въ повседневной экономической борьбѣ, для чего совершенно неподходящи были узкія формы организаціи и методы дѣйствія, сложившіяся въ періодъ преобладанія «чистой политики».

Ибо, наконецъ, болѣе проницательная часть соціалъ-демократіи не могла не замѣтить, какую роль въ подготовкѣ лѣтнихъ стачекъ 1905 года сыграло стихійное стремленіе нѣкоторыхъ слоевъ пролетаріата къ о т к р ы т о й о р г а н и з а ц і и—стремленіе, въ то время эксплуатировавшееся полицейскими демагогами, но въ своей основѣ здоровое—и не могла не поставить передъ собою мучительнаго вопроса о невозможности пойти на встрѣчу этому стремленію массъ при сохраненіи тѣхъ организаціонныхъ и тактическихъ навыковъ, которые, сложившись въ періодъ предыдущаго подъема, успѣли уже стать застывшимъ догматомъ, закоренѣлымъ предразсудкомъ среди массы «искровцевъ».

Уже на самомъ II съѣздѣ сказалась эта работа мысли. При спорахъ объ уставѣ партіи мы—будущіе «меньшевики»—рѣшительно возстали противъ взгляда, стремившагося объявить «партіей» только совокупность формально организованныхъ подпольныхъ «ячеекъ»; мы отстаивали тотъ взглядъ, что при ненормальныхъ политическихъ условіяхъ Россіи подпольная организація можетъ считать себя лишь частью — руководящей частью — партіи, границы же послѣдней въ цѣломъ не должны, не могутъ быть строго очерчены, ибо она на дѣлѣ охватываетъ всѣхъ дѣятельныхъ работниковъ, всѣ временныя соединенія, являющіяся въ какой бы то ни было сферѣ общественной жизни сознательными проводниками поставленныхъ партіей цѣлей. Въ послѣдніе дни съѣзда мы поставили на обсужденіе и провели резолюцію о первостепенной важности экономической борьбы и необходимости содѣйствія ей подъ какимъ бы—хотя бы и враждебнымъ соціализму, — флагомъ не возникало данное экономическое движеніе. Равнымъ образомъ, мы предложили съѣзду принятую послѣднимъ резолюцію о необходимости использовать законъ о «фабричныхъ старостахъ» путемъ призыва рабочихъ къ сознательному участію въ выборахъ этихъ старостъ. Резолюція эта, правда, не имѣла замѣтныхъ непосредственныхъ послѣдствій: передовые рабочіе, настроенные еще очень «бойкотистски», въ большинствѣ мѣстъ не хотѣли „мараться“ объ этотъ, пропитанный духомъ полицейской опеки, законъ, объ эту первую «легальную возможность». Но резолюція эта имѣла то положительное значеніе, что нѣкоторымъ образомъ пробила первую брешь въ тѣхъ бойкотистскихъ навыкахъ мысли, которыя у русскихъ соціалъ-демократовъ, естественно, сложились въ первый періодъ массовой политической агитаціи; и хотя слѣдующій подъемъ 1905 года съ открытыми имъ широкими возможностями въ области «захватнаго права» вновь подогрѣлъ традицію презрительнаго отношенія ко всякому «легализму», но первое грѣхопаденіе уже успѣло наложить свою печать на мышленіе многихъ работниковъ и противники разныхъ «бойкотовъ» могли ссылаться на ту статью Н. Ленина, напечатанную имъ послѣ II съѣзда, въ которой онъ доказывалъ необходимость использовать законъ о «старостахъ» и утверждалъ, что нѣтъ такого закона, созданнаго враждебнымъ рабочему классу режимомъ, который соціалъ-демократія не обязана была бы использовать соотвѣтствующимъ образомъ...

Л. Мартовъ.